

Мы поедem к сванам (экспедиция в Абхазию, июнь 1988 г.)

– Вы знаете, Володя, Кибрик в этом году едет в Сванетию!

Это Мариночка Филипенко, на работе, кажется, еще зимой. Я тогда еще не строил летних планов, тем более не «примерял» экспедицию. Но слово действует – Сванетия. Никогда не был, столько слышал. Лидины восторги, она была там, когда ей было 10 лет и туда вела еще не дорога, а Ингурская тропа (они прилетели на самолете и уезжали на первом «пассажирском грузовике»).

Потом Сандро прислал кассету со своими песнями и среди них – эта:

Мы поедem к сванам

Ах как тянет в горы, ах как тянет к небу,
В тишину просторов, к холоду ручьев.
Мы поедem к сванам, лебедям Кавказа
В край старинных башен, песен и снегов.

Позади оставим суету вокзалов,
Духоту и скуку плоских городов.
Мы поедem к сванам, там вино и танцы,
На лугах зеленых россыпи цветов.

Снова молодые, снова как когда-то
Будем удивляться, верить и любить,
Мы поедem к сванам, только бы собраться,
Только бы дорогу вдруг не позабыть.

Ах, как тянет в горы, ах, как тянет к небу,
В тишину просторов, к холоду ручьев.
Мы поедem к сванам, лебедям Кавказа,
В край благословенный песен и цветов.

Я клюнул. Почему бы в самом деле не съездить. Устал ведь. В прошлом году весь отпуск в больнице, с отцом. Эта зима невеселая [1]. Надо отключиться. К тому же вроде бы экспедиция будет недолгой.

Потом Сандро позвонил, звал уже открытым текстом, и я, так сказать, «дал официальное согласие». А когда были весной на конференции в Боржоме, оказалось, что едем не в самую Сванетию, а в Абхазию, там есть сванские деревни. В Сванетию после этих катастроф [2] Кибрик ехать не решился. Это чуть сбавило энтузиазма, но – решение уже сформировалось. К тому же отпали все обстоятельства, которые могли помешать. И так – еду.

12–14/VI

В поезде. В вагоне нас 16 человек. Кибрик и Сандро летят, будут нас встречать вместе с Колей-шофером, который выехал на несколько дней раньше. В Харькове к нам подсаживается Нинуся – итого в экспедиции 20 человек. В основном – старые знакомые. Несколько «тувинцев». Больше половины народа было в прошлом году в Абхазии.

Уже в дороге Яша Тестелец раздал всем описание сванского языка – текст на 24 страницах из 28 параграфов. Сванским языком занимаются в основном грузины. И пишут они, естественно, по-грузински. Но для Яши это не помеха. И я думаю, что он сильно

скромничает, говоря, что это компиляция. Несколько человек в дороге усердно изучали этот Яшин труд.

Что в дороге, кроме лежания на полке и чтения? Еда – то в одном, то в другом «девичьем» купе. Пение. Поют Леня, Яша и Таня. Потом выяснилось, что и Нинуся поет. Все, кроме Яши, под гитару. А Яша – просто оперный тенор. И почти все поет по-итальянски. Нинуся все время рисует.

Состав

1. Кибрик
2. Сандро
3. Яша Тестелец
4. Мира Бергельсон
5. Нинуся Кибрик
6. Леня Куликов
7. Федя Рожанский
8. Оля Федорова
9. Люда Зосимова
10. Нина Сумбатова
11. Таня Вакс
12. Света Толдова
13. Наташа Андреева
14. Ира Царевская
15. Нина Добрушина
16. Валя Выдрин
17. Оля Завьялова
18. Олег Семихненко
19. Коля
20. Я

О тех, с кем я был в Туве и в других экспедициях (Кибрик, Сандро, Мира, Леня, Федя, Оля и Люда), я писал, соответственно, в тувинском и других дневниках, поэтому не буду повторяться, разве что несколько слов о том, что изменилось за эти два года.

Мира родила дочку (тем самым Кибрик стал дедушкой). Леня уже два года как аспирант ИВАНА. На гитаре стал играть лучше (хотя и раньше неплохо играл). Федя кончил ОСИПЛ в этом году, поступает на работу в ВЦП к Мартемьянову. Он все в тех же джинсах, с теми же надписями, только заплат больше. Но впечатление, что носит он эти джинсы скорее по инерции. И музыка, которую он слушает, несколько изменилась. Люда тоже кончила и поступает в аспирантуру. Оля еще учится, она стала еще резче и самостоятельнее. Об остальных – дальше.

14/VI

Поезд опоздал, вместо 12 приехали в 2 часа. Нас встречали Сандро и Коля – Кибрик остался на месте. Прежде всего повезли нас купаться. Это было божественно – после двух почти суток дороги поплавать в море. Оно сравнительно чистое и достаточно теплое (но не теплее моего родного Строгинского моря).

Потом на машине на место. Деревня наша называется Чини. Она – часть небольшого конгломерата деревень, которые все вместе называются Амткел – это название (и соответствующий кружочек) есть на карте, на Военно-Сухумской дороге, примерно на полпути от Сухуми до Южного Приюта, час с небольшим езды от Сухуми. Но мы добирались довольно долго, часа два с лишним – останавливались где-то посередине, у почты, где публика давала телеграммы. Это заняло много времени, тут не привыкли к

такому количеству телеграмм.

В Чини, у школы, где мы будем жить, нас встречал Кибрик. Он сварил картошки к нашему приезду. Едим, устраиваемся.

Кибрик посылает меня за вином – к директору школы, который вчера их встречал, поил, естественно, и сейчас обещает дать вина. Идем к нему домой, нас сопровождает Зураб – молодой человек, уже ставший нашим другом. Заходим в сарай, там бочка, шланг торчит. Подсасывают, как бензин – и в канистру (наша шестилитровая канистра).

Директор приносит тарелку с сыром и хлебом и два стакана, мне и Зурабу. Сам не пьет, говорит – только что из Сванетии, там каждый день пили. Да и вчера, видимо, он не воздерживался, угощая Кибрика. Вино белое, сладковатое, не очень высокого класса.

Вечер. Все за столом. Хозяев представляют Зураб и Валера, наш сосед. Кибрик произносит тосты за успех экспедиции. И Зураб что-то говорит. Но вечер как-то не клеится. Разговор переходит на сванские глаголы. Ни пения, ни танцев. Завтра с утра начинается работа.

Место

Деревня наша на небольшой горке. Под горкой течет речка Джампал, которая в нескольких километрах ниже впадает в Кодор.

Селение симпатичное, совсем не похожее на русскую деревню. Дома стоят далеко друг от друга, вокруг каждого дома – сад, участок, все положенные сотки. Всего дворов 40–50, и они разбросаны на сравнительно большой площади. И так как все это не на ровном месте, то где бы ты в деревне ни был, рядом с собой обычно видишь два-три дома, остальное скрыто деревьями, складками горы.

Дома почти у всех большие, двухэтажные, как правило – новые. Много домов строится, обычно – из какого-то камня типа туфа. И – разительный контраст своего и чужого. Школа, в которой мы, как обычно, располагаемся, – убогая, небольшой двухэтажный барак из каких-то хилых досок. Если бы они считали, могли считать школу своей, принадлежащей общине, какой бы они дом отгрохали.

В школьном бараке внизу – четыре помещения. Наверху – учительская, три маленьких класса, метров по 10–12 и один большой – метров на 20, небольшой коридорчик. Мы живем наверху, в трех классах. В двух маленьких – мужчины, по 4 человека, в большом – все 11 девиц, их постели занимают весь пол. Тут нет интерната, поэтому нет ни кроватей, ни матрацев. Наши постели – надувные матрацы, спальники (я не проверил дома свой матрац, а он спускал, пришлось спать на нем как на подстилке, пока Кибрик не улетел в Париж и не оставил мне свой).

Внизу в большом классе – кухня, и она же столовая, газовые плитки, привезенные из Москвы, ящики с продуктами. Восемь школьных столов-парт (точно такие же, как в Туве, всеобщая стандартизация) сдвинуты вместе и образуют наш обеденный стол. В соседнем помещении – продуктовый склад. Картошка, которую по дороге сюда где-то под Рязанью, у себя на родине, добыл Коля, рассыпана на полу в другом школьном домике (кроме главного барака, есть еще два маленьких домика).

Крыши и маленького домика, и главного барака местами текут (слава Богу, не в наших спальнях). В столовой нашей стоит печка-буржуйка. Зимой, небось, холод жуткий.

Перед школой – большой двор, покрытый травой. На нем волейбольная площадка, щит с баскетбольным кольцом. У забора, во дворе, стоит наша машина. Коля спит в машине, у него там портативный телевизор и по вечерам там обычно кто-нибудь что-нибудь смотрит.

За школой – дровяной сарай и «удобства» с тремя дверьми – знаки М, Ж и ДЕТИ (порусски, естественно). В М и Ж, видимо, имеют право ходить только учителя. Сандро, как обычно, снабжает двери крючками. За «удобствами» – сад.

Вода – из крана на дороге перед школой, либо из шланга, который протянут сквозь

забор соседнего (Валериного) дома. Но вода почему-то есть не всегда. А чтобы шланг заработал (когда она есть), нужно просить соседа напротив открыть кран.

Школа на окраине, за ней горка, не очень высокая. Там есть небольшое «плоскогорье», где, говорят, во время войны был аэродром, кукурузники, видимо, приземлялись. Тут ведь недалеко была линия фронта, немцы какими-то, видимо, не очень большими силами альпийских стрелков преодолели Кавказский хребет.

На речку можно попасть по дороге (километрах в четырех от нас мост) и по тропе, которая спускается по ущелью, это выше по течению.

Километрах в трех-четырех от Чини греческая деревня Георгиевка, туда идет хорошая дорога. На месте Чини раньше тоже жили греки. Но в 49-м году их выселили, а сюда насильно привезли сванов. Когда греки вернулись в Георгиевку, не знаю. За мостом, на другом берегу Джампала деревня Хэши, там почта, центр совхоза. Все это вместе, как я уже писал, называется Амткел.

15/VI

Ночью шел дождь, к утру перестал. Перед завтраком я сбегал на ближайшую горку, но недалеко – сыро, скользко.

После завтрака начались занятия, в первый раз пришли информанты. А я пошел разведывать тропу к речке. Мне показали издали, где она начинается, но я недопонял и попал на склон ущелья. Решил лезть вниз, а склон крутой и скользкий после дождя. Громадные деревья, часто покрыты мхом метров на десять от земли, даже тонкие ветви покрыты мхом – листья торчат прямо из мха, вид фантастический. До низу я не добрался, стало совсем круто, и дождь сильный пошел. Я его переждал под камнем и полез наверх. И выбрался на тропу. Быстро спустился по ней к речке, выкупался и вернулся – за 35 мин. (а по склону я ползал часа полтора). Народ еще трудился.

Дождь шел почти весь день и ночью. После ужина – пение. Сандро – по заявкам, и остальные – Таня, Леня.

Особенности экспедиции

В этом году нас много – 20 человек вместе с Колей-шофером. В Туве было 12, в Анди и Гигатли – тоже что-то в этом роде, во всяком случае не больше 15. Это, видимо, оптимальное количество при сложившейся структуре: взрослые, среднее поколение – аспиранты и другие «ветераны» экспедиций, уже кончившие университет, и «дети» – новички, обычно студенты младших курсов. Большая семья.

А двадцать человек – много, превышает естественные размеры. И не то, что разброд, но семейной атмосферы не возникает.

Надо сказать, что в этом году Кибрик с Сандро к работе относятся не так, как прежде. Кибрик занят, в основном, своим Парижем – там кавказоведческая конференция, он вроде бы едет, хотя это, как всегда, до самого последнего момента неизвестно, но если все будет нормально, уезжает отсюда 23/VI, за неделю до конца (у него два билета на самолет, на 23-е и на 29-е).

Конечно, вся организация на нем – и быт, и все общение с местным начальством (директором школы, председателем сельсовета), и организация работы с информантами, так же, как и работы самой экспедиции. Он, как всегда, эффективен, все решается как бы само собой, но это все – масса мелких и не очень мелких вещей – было бы для другого непосильным грузом. Но собственного интереса к этому языку у него, видимо, почти нет. Разве что познакомиться, понюхать.

И Сандро тоже не так работает, как раньше, в Дагестане. Он сидит часа по два-три в день с информантами, занимается фонетикой, акцентуирует кусок словаря. Но говорит, его цель тут – опять же только познакомиться с языком. Говорит, что сванский язык

хорошо описан, им много занимались. А всерьез заниматься просодией, которая его больше всего интересует – за такой короткий промежуток времени не разберешься, все равно ничего сделать не успеешь.

К концу экспедиции он все-таки втянулся в эту работу, но все сетовал, что все равно все пойдет псу под хвост, если не заниматься этим долго.

Сандро, конечно, как всегда – душа экспедиции. Это трудно вербализовать, но без него экспедиция потеряла бы половину своей привлекательности. Одни песни его чего стоят. И девочки млеют, когда он с ними разговаривает. Кроме того, он – «вице-начальник» (и тем самым после отъезда Кибрика остается начальником).

Основной «научный» человек в этом году – Яша. Сандро говорит, что Яша давно занимается картвелистикой, в том числе и сванским языком. Я уже писал, что еще в поезде каждому раздали по экземпляру Яшиного описания сванского языка. И тут студенты не расстаются с этими экземплярами.

В остальном экспедиция работает как обычно. Народ трудится, информанты ходят. И, конечно, трудно представить для студентов лучшую школу – и научную, и «жизненную».

16/VI

Сегодня жизнь по нормальному рабочему расписанию. Подъем в 7 утра (вчера, ради первого дня, встали в 8), завтрак в 8.

Утром дождь, но после завтрака он стихает. Приходят информанты, и начинается нормальная работа. А мы с Нинусей пошли погулять по «греческому проспекту» – дороге в Георгиевку. Хорошая широкая щебеночная дорога. До деревни – километра четыре. Но мы не дошли – ходили на колодец смотреть, землянику собирали, пересекли горку и вышли на ту же дорогу уже у самой деревни, но пора было возвращаться.

После обеда поехали на машине купаться на речку, вниз. Как-то не нашли хорошего места. Девочек послали на рукав речки, по которому все время ездил трактор. Тракторист проехал, видимо, раз и обалдел от обилия оголенных женских тел, и все это время совершал «челночные» рейсы. Потом оказалось, что эта протока – обычная дорога, превратившаяся в рукав речки после дождя. Девочки были очень возбуждены купанием и трактором.

Купались, несмотря на погоду, – пасмурно, капает. Но после этого в погоде – явный перелом, появилось наконец солнце. К вечеру небо окончательно очистилось, молодой месяц, звезды.

Мы с Сандро после ужина пошли погулять по тому же греческому проспекту и наблюдали совершенно фантастическое зрелище. Вокруг летали полчища светлячков. И они не просто светились, но и мерцали при этом в каком-то общем ритме, слегка размазанном, конечно. Темно, звезды, и это мерцание – сказка!

Сандро рассказывал о своих занятиях просодией. Он говорит, что хотя просодия сейчас в моде, занимаются в основном фразовой просодией, и то очень поверхностно. Его же основной интерес, по сути дела, главная его работа за последние годы – это просодия слова в русском языке. Он и раньше мне об этом говорил, но на этот раз подробнее.

Суть, насколько я понял и помню, вот в чем. Долго занимаясь дагестанскими языками с их необычной (по сравнению с русским языком) фонетикой – тонами и другими просодическими элементами – долгими и краткими гласными, «сильными» и «слабыми» согласными и т.д. и сильно в это погружившись, он почувствовал, что все это (или почти все) есть в той или иной степени и в русском языке. Есть, но играет, видимо, совсем другую роль, чем в тех языках, в которых эти вещи известны, «признаны», явно осознаются.

Впрочем, роль просодических элементов, может быть, и там, где они «видны», тоже не так уж хорошо понимается. Так, часто внимание фиксируется на «смыслоразличении», ищутся «минимальные пары», хотя, конечно, ударение в русском языке играло бы ту же

самую роль, если бы не было тех немногочисленных слов или форм, которые отличаются только ударением (типа *земли* – *земли*).

Так вот, Сандро считает, что все эти тоны и другие «штучки» есть и в русском языке (т.е. все носители, например, более или менее одинаково «тонируют» одно и то же слово в одном и том же контексте). И все это образует систему, роль которой в общей фонетической системе языка не очень ясна.

Он сознает, что никто всего этого не признаёт, что все или почти все будут над ним смеяться, и почти ничего не пишет про это (и мало кому рассказывает). Дело еще в том, что очень трудно получить какие-нибудь «объективные» подтверждения всему этому. Ведь основной инструмент – ухо, никакие «настоящие» инструменты этого не показывают, по крайней мере показания таких инструментов нужно уметь интерпретировать. А эти интерпретации не то что субъективны, но нужно еще построить «систему координат», в которой эти вещи можно видеть – а так ведь и обычная фонема, либо просто «один и тот же звук» дают такое разнообразие на приборе.

Мы говорили с ним о возможных косвенных подтверждениях его теории, например, в поэзии. Если *это* существует, то поэты, по крайней мере некоторые, не могли *этого* не использовать (подсознательно, конечно). Он говорит, что занимался этим и вроде бы какие-то поэты пользуются этим (он называл то ли Тютчева, то ли Фета).

В общем, ситуация хотя и не частая, но встречающаяся. Человек считает, что сделал самое главное дело, главное открытие в своей жизни, а никто этого не видит, и он никого не может в этом убедить. Я потом уже слышал отзывы нескольких людей об этом. Все считают это бредом, заскок, мол, у Сандро (сам слышал от Падучевой, от Терентьева, Лида говорит, что то же самое говорит какая-то фонетистка – соавторша Сандро).

Сам я, конечно, собственного мнения тут не имею, я-то своим ухом этого не слышу, не чувствую. Но возможность такой системы моему представлению о языке не противоречит (хотя я ничего почти не знаю о фонетической стороне языка, а это, безусловно, сложнейшая система, не менее сложная, чем вся «верхняя», смысловая надстройка – от звука, фонемы и выше, до семантики, прагматики и т.д.).

Во всяком случае, это либо какая-то аберрация у Сандро, гиперчувствительность, либо действительно кардинальное открытие, которое потому и не понимают, что оно на самом деле что-то новое по существу вносит. В общем, я очень ему во всем этом сочувствую.

Замечание 1998 года.

В феврале этого года, на типологической зимней школе, Сандро делал доклад на эту тему, вернее – о том, что он сейчас на эту тему думает. Теперь это звучит не так «революционно», как тогда, но очень интересно. Он говорит уже не о тонах в русском языке (я потом его спрашивал – говорит, заскок был, просто чувствовал что-то и не понимал), а о разных средствах, используемых в мелодике русского стиха. Что средств этих много, гораздо больше, чем обычно считается, что они образуют систему. Приводил некоторые примеры – на этот раз «глобально» никто не возражал, хотя, наверное, вряд ли и сейчас он считает это чем-то окончательным.

17/VI

Обычный рабочий день. Я до завтрака сбегал на почту, скорее для прогулки, чем с какой-то целью. Почта была, конечно, еще закрыта. После завтрака мы с Нинусей сходили на речку по разведанной позавчера тропе. Встречающиеся по дороге ручьи после дождей вздулись, и пришлось кое-где разуваться.

После обеда публика под предводительством Нинуси пошла в Георгиевку. Вернулись очень довольные, им открыли одну из двух тамошних церквей (туда иногда приезжает откуда-то священник и служит).

Персоналия

Яша. До экспедиции я с ним, по сути дела, не был знаком, видел его как-то у Кибриков после пожара – Яша помогал им ликвидировать последствия. Яше лет тридцать, он работает в Институте языкознания, в группе «Языки мира», занимается типологией. Он обратил на себя внимание «лингвистической общественности», еще когда был школьником, на одной из олимпиад. Ему повезло – когда он учился на ОСИПЛе, он еще застал Зализняка. А математику им читал Манин.

Очень способный. Память, эрудиция – необыкновенные. И завидная организованность, работоспособность. Мнения о себе высокого – и вполне справедливо.

В общежитии, в общении – очень приятен. Интересуется всем – футболом, политикой, поэзией (нормальный человек). И я уже писал – как поэт.

Валя. Ему, как и Яше, около тридцати. Кончил восточный факультет ЛГУ, там же и работает, занимается африканистикой (язык *бомана*, кажется). Тоже очень способный человек. В отличие от Яши, видимо, не из самой культурной среды, впечатление, что self-made-man. Чувствуется внутренняя сила и в то же время какие-то импульсы, которые еще не улеглись «в рамки», бродят. По вечерам, когда девочки собирались танцевать и долго не могли «раскошегариться», Валя выступал обычно диск-жокеем. И вот этого «диск-жокейства», причем не органичного, а какого-то «взятого на себя», в нем много. Я не очень его «просек», мне не очень ясно, зачем все это ему нужно, какие в нем основные пружины сидят.

В целом – симпатичный, общительный (хотя я опять же не уверен, что эта общительность легко ему дается).

Оля и Олег, Валины студенты, несколько выпадали из общей массы, им трудно было войти в эту специфическую и новую для них среду. У них обоих «культурный слой» еще не очень большой, они из провинции, живут в общежитии. Но опять же внутренняя энергия, сила – есть у обоих. По-своему симпатичные.

Таня – аспирантка, однокурсница Марины Филипенко. Она – неизменный центр всех вечеров и других «собраний». Потому что поет, и поет божественно. И красива. Особенно, опять же, когда поет. Слушаешь, смотришь – не оторваться. Мы с Сандро хором все время объясняем ей в любви – очно и заочно. Девочка тонкая, глубокая и эмоциональная.

А еще она завхоз. Вот тут Кибрик дал маху. Она, конечно, старается изо всех сил. Тетрадь какую-то ведет, ревизию продуктам время от времени делает. Но... в ее сознании, на «когнитивной карте», которой она пользуется, все эти хозяйственные вещи находятся где-то далеко у горизонта и плохо различимы. И

– сыр и изюм забыли в поезде;

– сало (любимое кибриковское сало!) где-то валялось и заплесневело, а большую часть, видимо, собаки утащили;

– батон дорогой колбасы кто-то случайно нашел на шкафу, он там валялся несколько дней;

– Ира Царевская привезла с собой тыкву – всю зиму хранила для экспедиции, в свое дежурство сварила кашу с этой тыквой, все ахали. Половина тыквы осталась и сгнила;

– Кибрик ворчит, что опять, в который раз, накупили какого-то идиотского паштета, который никто не ест,

и т.д., и т.п.

В общем – каждому свое. Пока был один идеальный завхоз – Ира Муравьева.

Нинуся – перешла на третий (если я не путаю) курс Суриковского института и, как и я, не участвует в экспедиции, а живет при ней. Она, конечно, не попадает в категорию новых для меня людей. Но в экспедиции я с ней впервые. Нинуся – ангел. Доброжелательна, всем всегда хочет помочь (и действительно, помогает), тактична, мягка. Много работает – почти все время рисует в своем альбоме.

Я только тут узнал, что она тоже поет и на гитаре играет. Очень трогательно поет.

Нина Добрушина (дочка Р.Л.Добрушина) – здесь немного outsider. Она не с ОСИПЛа, а с русского отделения, после второго курса. Делала какую-то работу с Кибриком и Сандро, и они, видимо, позвали ее в экспедицию. Девочка красивая и своеобразная, какая-то сложная смесь многих кровей – русской, еврейской, татарской и еще какой-то южной. Хорошо одевается. Сама себе очень нравится и иногда стоит или возлежит где-нибудь на пляже в картинной позе.

Ей явно нравилось здесь в экспедиции, но как-то она не смогла до самого конца стать своей в этой компании.

О *Нине Сумбатовой*, Свете, Наташе и Ире мало что могу сказать – почти не общался с ними. Нина работает в лаборатории Кибрика (кажется, год, а может быть, и больше). Девушка симпатичная, самостоятельная и... замужняя. Очень стройная – как-то не помню ее согнувшейся.

Света – аспирантка. Тоже замужем и очень любит об этом говорить.

Наташа кончила в этом году ОСИПЛ, идет в аспирантуру. Симпатичная и очень «порядочная». Когда дежурит – на кухне идеальный порядок, все блестит.

Ира – однокурсница Оли Федоровой. Очень приятная, добродушная, сказал бы «компанейская», да слово какое-то идиотское. Любит танцевать и хорошо танцует. Они с Сандро часто «выступают» с каким-нибудь картинным танго.

Ну и, наконец, *Коля*. Наверное, за все мои экспедиции – лучший шофер. Он и в прошлом году был и всем понравился. И водит хорошо, спокоен за рулем, никогда не лихачит. За рулем не пьет и вообще мало пьет. И без комплексов совсем, нормально себя чувствует в компании.

Ему лет сорок. Девушки обожают его за то, как он трогательно относится к своей жене. В прошлом году она ездила с ними. А в этом он должен был встречать ее на обратном пути, проводив нас в Сухуми. Он купил конфеты, цветы.

18/VI

Информанты теперь приходят в 2 часа – попросили, чтобы успевать по утрам делать свои дела – у всех же свое хозяйство, вообще – лето, и дел, конечно, много. Как они вообще соглашаются так много времени тратить на экспедицию? Ведь платят им гроши.

После завтрака ходили купаться – с Таней и Нинусей. С обеда наше с Таней дежурство.

А вечером – праздник. Каждый раз в экспедиции, примерно в середине срока, бывает праздник, обычно – в честь чьего-то дня рождения. Если экспедиция в июле – праздновали день рождения Сандро. В Туве, в августе – день рождения СуперИры (в прошлом году в Абхазии – тоже). А сегодня – день рождения Теньки. Его нет здесь, но все его знают и любят. Опять же Кибрик, Нинуся и Мира здесь.

Для праздника лучше, когда он во второй половине срока, все уже знакомы, притерлись и просто пора попраздновать. А сегодня – всего пятый день. Но ведь не выберешь.

За вином опять я иду, на этот раз – к Зурабу. У него, как он говорит, «черное вино». Пришли в его «помещение» – под домом, не подвал, а действительно, ground-floor – как раз на уровне земли, под жилыми комнатами. Налил он канистру, принес горячую лепешку, сыр – и мы с ним выпили по несколько стаканов. У него вино получше, но тоже не совсем настоящее. Он говорит – наливаем немного воды, сахар добавляем, иначе не получается (т.е. настоящее вино они делать не умеют – у сванов своей традиции нет, и они, спустившись с гор, освоили какую-то упрощенную технологию).

Зураб учился в школе милиции где-то в Обнинске, там «украл» себе русскую жену – восьмиклассницу, привез ее сюда. Она ему уже дочку родила. Работал милиционером в Сухуми, но, видимо, не сталкивался с местной мафией, квартиры не получил и сейчас тут в колхозе работает, шелковичных червей кормит. Но это какое-то временное занятие.

Настоящую их жизнь сразу не поймешь.

Итак, пир. Гости. Сандро стихи сочинил в честь именинника. Пили, пели, танцевали. Из гостей были Зураб и Валера, и еще кто-то с ними. Потом, позже, еще несколько молодых людей пришли. Их тянет к девушкам, но они робеют, толкуются у двери.

19/VI

Воскресенье. Поездка на Южный приют – небольшой туристский комплекс с южной стороны Клухорского перевала. Туристы, которые идут по Военно-Сухумской дороге, останавливаются на Северном приюте с той стороны, а потом одним броском преодолевают перевал. Высота перевала – 2780 м. Южный приют на высоте 1200 м.

Наш проводник – Валера. Выехали часов в 10. Дорога (Военно-Сухумская) почти все время идет вдоль Кодора (в самом конце – вдоль какого-то притока). И горы, и Кодор – в порядке. Постепенно горы становятся выше, речка – уже и чище. Часто в поперечных распадах снег или лед, иногда – снежные гроты, из-под которых вытекают ручьи. Ближе к Приюту уже видны вершины Большого Кавказа.

Сам Приют – несколько небольших домиков с крутыми крышами. Там мы, собственно, пробыли с полчаса, попили воды из какого-то местного источника, посмотрели на речку – она бирюзового цвета, полюбовались дивными розовыми цветами – кусты просто усыпаны крупными соцветиями. Потом чуть вернулись – к водопаду, который ниже, в километре от Приюта. Пошли его смотреть. Тут со мной небольшое приключение случилось. Валера спустился по склону напротив водопада, я пошел за ним и вдруг заскользил. Склон довольно крутой и грязный – там все время брызги от водопада летят, а я был в тапочках на почти гладкой резиновой подошве. Приложился пятой точкой, еще чуть поскользился и встал. Выругался про себя – на тапочки, на то, что вымазался. И только потом заметил, что будь грязь чуть пожиже, можно было бы и не остановиться и слететь под водопад – до края совсем немного оставалось, а скала метров в десять высотой, не меньше.

Поднялись на снежник над водопадом, пофотографировались и вернулись к машине. Поехали пикниковать к деревне Омаришара, метров на 400 ниже Приюта (по высоте; по дороге – несколько километров).

Остановились у речки, почти под мостом. Дежурные – Ира и Олег – стали готовить обед: картошку варить на примусе, бутерброды делать. А остальные – купаться. Тут еще два приключения случились. Почти все выкупались, стол постепенно покрывался «яствами». Вдруг вижу – Нина Добрушина зашла глубоко в воду и... плывет. Ее сразу же течение понесло. Я вскочил, понесся туда. Олег, Валя и Яша были ближе и бросились ловить ее. Но это легко сказать – речка-то бурная, несет ее страшной силой. К счастью, течение само вынесло ее на сравнительно мелкое место метрах в 20–30 ниже. Когда я подбежал, мальчики под руки выводили ее из воды. Она была в шоке, перепугалась, бедная, сильно. И было чего пугаться, будь направление течения другим, могло утащить, о камень какой-нибудь долбануть и неизвестно, чем бы все это кончилось. И так она синяков заработала. Как раз в этот момент появился Кибрик с чачей, купленной тут у аборигенов. Налили Нине чачи, она выпила, успокоилась.

Оказалось, что несколько минут назад такой же подвиг совершила и Мира. Мира только пугалась «сознательно», не впадала в шок. И ее на ту же отмель вынесло. В общем, захватывающие приключения. Дай Бог, чтобы не повторились.

Обед. Устроились вокруг «стола», Кибрик чачи налил желающим. Чача яблочная (т.е. это скорее кальвадос, но тут все – чача), не очень крепкая, но без противности. 3-литровая банка – 15 рублей.

Поели, покойфовали, собрались – и назад, дорога длинная, несколько часов. На обратном пути пошел дождь, пришлось закрыть тент. А когда дождь кончился, нас насквозь пропылило – машина с закрытым тентом буквально засасывает пыль, в то время

как при полукрытом тенте (как мы ехали до тех пор) почти никакой пыли. Ну, это еще по Дагестану известно.

Приехали домой и сразу бросились мыться, благо тепло было и вода из шланга шла.

Вечером играли в МПС. Водил Олег, игра была долгой и нудной. Вначале все пытались объяснить ему смысл игры и все время сбивались на метауровень. А Олег – человек серьезный. Задаст вопрос и несколько минут обдумывает ответ.

20/VI

Утром кто чем занимается (информанты – с 2-х). Мы с Нинусей и Таней опять на речку, купаться. После обеда занятия. Я своими делами занимаюсь, Сандро свою статью пишет, Ниночка рисует Таню, которая сидит с очень ярким информантом. С этим портретом потом трагедия была. Нинуся на этот раз маслом рисовала и работала долго, часа два, а то и три подряд, потом доделывала. И поставила картон сушиться в пустую комнату наверху – масло сохнет несколько суток. И вот на следующий день этот информант спер свой портрет^{*)}. Ему потом сказали, что надо вернуть, и он вернул, но уже в испорченном виде, он смазал невысохшую краску. Нинуся очень расстраивалась.

Во время ужина Кибрик вызвал нас с Сандро на совещание. Ему пришла в голову идея завтра поехать в Местию. Поездка в Местию обсуждалась уже давно, но как-то не было определенности. Кибрик думал, что он не успеет – ему 23-го улетать в Москву, а Сандро колебался. Съездить-то очень хотелось – все-таки настоящая Сванетия и все ее красоты. Но ехать долго – 250 км, в машину всех с вещами не усадишь, поэтому всем ехать нельзя. Значит, нужно ехать небольшой группой. Сандро было неудобно бросать народ здесь, а самому ехать, потом суетно как-то – после отъезда Кибрика остается мало времени, а там на воскресенье намечался всеобщий поход на озеро.

И тут Кибрик вдруг понимает, что если завтра с утра выехать, то и он сумеет съездить (а по дороге сделать свои дела в Сухуми, главное, узнать, что там с Парижем). Все решено. Утром быстро соберемся и поедem. Едут шестеро – Коля, естественно, Мира, Нинуся, Кибрик, Сандро и я. Официальная цель, легенда, так сказать – подбор места для возможной следующей экспедиции. Она же и реальная (цель), но с пониманием, что следующая экспедиция сюда проблематична, а на Сванетию хочется хоть одним глазом взглянуть.

Итак – завтра едем.

21–22/VI. Поездка в Местию.

Встаем рано, укладываемся, как обычно в поездку, сундук с продуктами и посудой, свои рюкзаки – теплые вещи и спальники, там может быть прохладно, неизвестно еще, где ночевать придется. Палатку берем на всякий случай.

Завтракаем со всеми и выезжаем довольно поздно, часов в 10. Спускаемся в Сухуми и прежде всего – к междугородним телефонам-автоматам. Там очередь довольно большая. День пасмурный, дождь капает, публика курортная вместо того, чтобы на пляж идти, по городу шастает и по телефону звонит. Занимаем очередь. Кибрик и Сандро идут куда-то командировки отмечать. Возвращаются как раз вовремя – очередь подошла. Звонки с переменным успехом, кто дозвонился, кто нет. В министерстве, куда звонит Кибрик, никого нет. В Москве, небось, нет дождя, и нужные ему чиновники бегают по своим делам.

Едем дальше, уже второй час. Доезжаем до Зугдиди – на рынок за овощами, снова на почту – звонить. Опять очередь и опять, потратив не меньше часа, Кибрик не дозванивается. Мне везет чуть больше, я застаю Лиду на работе, но телефон прерывает разговор, съев первую же монету.

Идем с Кибриком в забегаловку, которую присмотрели еще раньше. Там нам

сообщают, что наши девицы с Колей уже пообедали и что на рынке у них вытянули кошелек.

Едим единственное имеющееся в наличии блюдо – мясо в какой-то подливке. Перца – невообразимое количество, видимо, чтобы сдобрить далеко не лучшее мясо. Внутри все горит, несмотря на пиво, которым мы этот пожар заливаем.

Идем к машине. Действительно, у Миры из корзинки с овощами сперли кошелек. Сандро, который сторожил машину, тоже идет в забегаловку, возвращается с хачапури и боржомом.

Шестой час, едем дальше. Дорога в Местию, которая раньше была ужасной, теперь более чем хороша, особенно в первой своей половине – бетонка, почти хайвей, в советско-грузинском исполнении, конечно.

Очень скоро попадаем в ущелье, по которому течет Ингури, по сути дела километров сто дорога идет по этому ущелью. Вначале вдоль водохранилища Ингури-ГЭС. Оно большое и явно не украшает ущелье, склоны во многих местах изуродованы, у кромки воды масса мертвых деревьев.

Водоохранилище кончается, и начинается стройка новой ГЭС. Там вообще безобразие – изуродованные склоны, обычная строительная мерзость. Хайвей кончается, но дорога вполне приличная. Ущелье очень мрачное – глубокое, сплошь покрыто хвойным лесом, темное. Погода, конечно, способствует этой мрачности. Дождь все время идет.

Постепенно ущелье расширяется, проезжаем сванские деревни. Первые башни.

Наконец – Местия. Долина расступилась, но с обеих сторон громадные вершины со снегом (с одной стороны – Главный Кавказ, с другой – какой-то хребет, то ли Сванский, то ли еще какой). Башен – тьма.

Начинает темнеть – десятый час. Останавливаемся у гостиницы. Мест, конечно, нет. Посылают на турбазу. Ищем ее, но по дороге находим другую гостиницу. Там тоже мест нет. Но нам говорят, что есть новый и вроде бы пустой альплагерь, в стороне. Едем туда. Это над Местией, метров на сто выше. Оттуда прекрасная панорама – и Местии, и всей долины. Вокруг трава и действительно – «россыпи цветов», клевер, незабудки.

А сам лагерь – длинный трехэтажный корпус уступами, вписанный в горы, стеклянная столовая, как башня Аэрофлота, и башенка, имитирующая сванскую – в ней радиостанция.

Альплагерь и в самом деле пуст. Находим начальство – Нургаз, заведующий учебной частью. Очень симпатичный сван, сам из Местии. Держится с большим достоинством.

Читает Кибриков мандат. Говорит – поможем. Это ему не трудно. Альплагерь рассчитан человек на 300, а там, кроме тех, кто там служит, живет только какая-то женщина-альпинистка, лет 45, снежный барс, покоритель всех советских семитысячников.

Выделяют нам две комнаты – там кровати с пружинными матрацами. Белья мы не просим, одеяла вроде бы Нинусе и Мире дали, а мы и не просили.

Начинаем суетиться около машины, примус разводить. Подходит Нургаз: «Что вы здесь делаете? Идите на кухню, там электрические плиты, вода». Идем туда, чистим картошку, ставим ее варить.

Нам предлагают борща, его там осталась громадная кастрюля. Едим борщ. Мира обнаруживает такого же размера кастрюлю с соусом, в котором плавают остатки мяса. И эту подливку едим. Картошка еще не сварилась, а мы уже сыты. Только Сандро не ест этой еды, боится кавказской пищи.

Пьем чай. Кибрик и Сандро интервьюируют Нургаза – где какие деревни, где есть школы. Нургаз рисует подробную схему.

Спать ложимся поздно. А Сандро с Колей еще футбол по телевизору смотрят.

На следующее утро просыпаюсь в шесть. Долина в тумане, но дождя нет. Место, конечно, чудное. Очень хочется пожить здесь, погулять. И еще лучше, наверное, не в самой Местии, а в какой-нибудь деревне за нею.

В половине восьмого встает Кибрик, будит остальных. Собираемся, завтракаем

вчерашней картошкой. Упаковываемся и едем вниз – в центр. Подходим к башням, осматриваем их. В магазин заходим. Кибрик покупает три мешка сахара, по 50 кг мешок, варенье варить. Мы его обзываем самогонщиком.

Обратная дорога почему-то утомительнее и длиннее, чем дорога туда. Едем. Остановливаемся в Очамчири. Кибрик опять пытается звонить, и опять тщетно.

Едим – разводим в машине примус – яичница, овощи, чай. Заходим на рынок – по прошлогодним воспоминаниям Кибрика в Очамчири самый дешевый рынок. Но эта дешевизна – только в воспоминаниях. Овощи не дешевле, чем в Москве.

Седьмой час – выезжаем на последний отрезок. По дороге Кибрик тщетно пытается купить вина на сегодняшний вечер – на собственные провода. Опять то и дело дождь. По этому поводу купание в море отменяется.

В половине девятого – дома. Нас встречают. Распаковываемся, моемся, бреемся. А на кухне идут приготовления к пиру по поводу завтрашнего отъезда Кибрика. Его туда не пускают – там хор репетирует, торты стоят с надписями – Джампал – Paris.

Света нет – где-то смыло опору линии электропередач. Вся деревня волнуется – сегодня футбол, Италия – СССР. Надежда – на Колин телевизор, он на батарейках. Коля – самый популярный человек в деревне. Когда матч начинается, зрители не умещаются в кузове. Под это дело Кибрик договорился про вино (дарители наши истожили свою щедрость, теперь кто-то продает нам пять литров).

Наконец зовут к столу. Начинаются речи, тосты, хоровое пение (по схеме «Все хорошо, прекрасная маркиза»: Кибрик звонит из Парижа в Джампал, и ему докладывают, в общем – «в стихах это было изумительно»). Потом Таня песенку поет. Сандро тоже что-то сочинил. На этот раз – обширная программа.

Длинную речь произносит Кибрик – об экспедициях вообще и об этой в частности. О каждом участнике – отдельно. В своей обычной манере – помесь грузинского тамады и среднерусского председателя колхоза. Потом требует с каждого ответной речи.

Все это перемежается сообщениями о ходе матча, встречами местного населения – они тоже говорят длинные тосты.

Потом пение начинается. Кибрик с Сандро уходят примерно в час. Я остаюсь ненадолго, но потом тоже линияю. А пение продолжается часов до трех (танцы-то невозможны – света нет).

23/VI

Отъезд Кибрика. Перед тем как уехать, все садятся «на дорожку», потом выходят на улицу. Кибрик целует всех девиц, они повизгивают от восторга.

В остальном – обычный рабочий день. Дождь идет. Света нет.

24/VI

После завтрака, пока дождь почти не шел, поехали на машине на речку купаться. А мы с Нинусей вместо этого пошли смотреть, как Валера рыбу ловит. Но это оказалось не очень интересным. Он забрасывал сетку-накидушку, а затем вытаскивал ее. Так ловят в мутной воде. Это, конечно, не спорт, а промысел. Часа четыре ходил он с этой сеткой, поймал всего несколько штук – вода уже стала прозрачная и рыба уплывала, завидев его. После обеда он с Колей и еще с кем-то опять занимался этой ловлей уже в другом месте, но с тем же успехом. Говорит, что когда вода мутная, так можно и ведро форели наловить.

Опять дождь идет, света нет. Но девочки, жаждавшие танцев, сбегали в магазин, достали батарейки, и вечером – танцы. Мы с Сандро ушли сравнительно рано, Яша уже спал, а мы не могли уснуть под звуки вакханалии снизу, стали трепаться и разбудили Яшу, не без помощи танцующих, правда. Так и протрепались до двух под звуки музыки.

25/VI

Несмотря на постоянный недосып, просыпаюсь обычно рано, в шесть – половине седьмого. Сегодня до завтрака валялись, трепались с Сандро (Яша ушел дежурить).
Дождь идет. Бегал под дождем купаться. Света нет.

26/VI

Воскресенье. Идет дождь, и намеченная экскурсия на озеро откладывается. Удалось уговорить информантов прийти поработать. После обеда дождь кончается. Бегу купаться на речку.

Экскурсия из четырех девиц – Миры, Нинуси, Наташи и Оли – посетила «монаха». Они еще раньше слышали, что недалеко от греческой деревни (ниже дороги, ведущей туда) есть домик, где живет монах. Пришли они очень возбужденные. Монах – человек лет семидесяти, официально он, видимо, не постриглся, но вот уже лет десять, если не больше, здесь живет и, так сказать, посвятил себя Богу.

Кормится тем, что выращивает у домика, приносят ему всякие дары его посетители.

27/VI

Наконец дожди кончились. Первый солнечный день. Поездка на озеро. До него пешком – километров восемь. Но мы едем на машине – и это больше двадцати, причем половина пути по ужасной дороге (в сухую погоду она, может быть, и ничего, но от дождей раскисла совсем). Коля временами еле едет.

Приезжаем. Озеро – запруженная в результате какого-то естественного катаклизма долина речки. Длина – с километр, ширина – в самой широкой части – метров триста. Мы приехали к «плотине», где-то под ней речка просачивается, и дальше выходит на поверхность и впадает в Джампал. Берега крутые, скалистые. Выйти из лодки на берег, говорят, можно только здесь и в верхней части озера.

Нижняя часть, у «плотины», захлавлена плавающим лесом. Есть лодка, правда, без весел. На ней мы по очереди выезжаем подальше, на «чистую воду», и купаемся. Вода очень холодная, долго в ней не пробудешь.

Пикникуем – картошка, чай, бутерброды. На обратном пути делимся на две группы. Большая часть во главе с Валерой – нашим неизменным проводником – идет пешком, меньшая – едет на машине.

Я, конечно, иду пешком. Обратная дорога замечательна тем, что большая ее часть идет по руслу Холодной речки, которая вытекает из-под плотины (ручаться не могу, так как мы не сразу на нее вышли, а в горах без карты не разберешься). И эту Холодную речку, а она соответствует своему названию, приходится переходить вброд раз десять – двенадцать. Вначале разуваемся, идем вброд босиком, но быстро понимаем, что в обуви – несколько удобнее. На одном из первых переходов – мостик, мокрая доска без перил. Наташа, поскользнувшись, летит в воду, растягивает ногу, и дальше Валера переносит ее каждый раз через речку на руках – к обоюдному удовольствию.

Обе партии встречаются, как было условлено, у моста через Джампал, под нашей деревней. Машина пришла на полчаса раньше.

Вечером, как всегда, народ долго веселился.

28/VI

Последний полный день. Жара, как и накануне. Народ с утра вяло подымается после ночных бдений – плясали вчера до трех часов.

С утра отправляется на машине экспедиция за вином в Мерхеули, на родину

незабвенного Лаврентия Павловича. Валера, который там работает, говорит, что там хорошее вино. Хотят еще поросенка купить на прощальный ужин.

Яша с Нинусей пошли к монаху на беседу. Я полез погулять в горку.

К обеду вернулась винная экспедиция, привезли 40-литровую флягу чудного красного вина, по полтора рубля за литр. В основном это с собой в Москву берут, на общественные нужды всего шесть литров купили. Но больше половины этого количества выдули сразу, пробуя (грешен, я тут основной виновник – очень уж вино вкусное, а такая жара и жажда). Так что к вечеру пришлось докупать уже здесь – я же и ходил с одной из информанток, и она продала местную жидкость, увы, совсем не то вино.

Купили и поросенка, это Мира старалась. Нашелся какой-то джигит – Нургаз, который его зарезал и разделал.

После обеда пришли информанты, и шли последние занятия. Сандро рассчитывался с информантами – рублей по 35–40 самым основным, плата, конечно, нищенская.

Часов в пять поехали пикниковать на речку. С нами Валера, какая-то пара – его гости, и Нургаз – свежеватель. Собрали топливо – плавник, который принесла река.

Валера жег костер, мы купались. Дежурные делали салаты. Вокруг бродили свиньи и одна из них сперла буханку хлеба.

Поросенка Валера с Нургазом жарили на углях. Валера все время ссорился с Нургазом, говорил, что тот все портит. Но поросенок удался на славу. Ели, пили. Сандро и Валера тосты говорили. Сандро, конечно, трудно тягаться с председательским стилем Кибрика – долго говорить, не боясь банальностей.

Рядом какие-то люди объезжали лошадь. Потом нашлась какая-то объезженная лошадь, и девицы на ней с восторгом катались.

Поехали домой, усмиряя Валеру, который лез в драку с Нургазом.

Дома пили чай. Правда, праздничный торт, оставленный на столе, исчез. Как потом оказалось, исчезли и Танины брюки, которые сохли на веревке. Торт, естественно, не нашли. А брюки потом привезли уже в Сухуми – местное население, уведомленное о краже, провело расследование и нашло мальчишек, эти кражи совершивших (это уже на следующий день, брюки Тане привез Коля вторым рейсом).

Где-то уже в половине первого начались танцы. Мы с Яшей ушли спать, Сандро, выполняя долг начальника, остался развлекать девиц. Часа в три я проснулся – танцы шли на улице, под звездами, музыка гремела. Я вышел на полчаса, потом мы с Сандро ушли спать, а разгул продолжался. Оказывается, часов в пять они еще пошли гулять.

Утром я проснулся в половине седьмого. На кухне гремели посудой, работал приемник, дежурные – Ира и Олег, не ложившиеся спать, трудились, мыли посуду, готовили завтрак.

Итак, 29/VI

Подъем был в восемь. Завтрак, упаковка вещей, своих и общественных, уборка помещений после себя, уничтожение накопившегося мусора.

Основная группа выезжает примерно в час, остаются Валя и Олег, за ними Коля вернется и привезет их вечером.

Останавливаемся на море и купаемся. Как и в день приезда – божественно. Нас выгружают на вокзале. Прощаемся с Сандро и Яшей, которых Коля везет в аэропорт, они летят. Перекусываем на вокзале и я «отрываюсь от масс», как-то надоело все время ходить в группе. Брожу, не торопясь, по Сухуми, пью кофе, который тут варят по всем правилам, в джезве, на раскаленном песке (кофе очень плохой). Захожу в Ботанический сад, там на скамейке немного дремлю.

Встречаемся у почтамта. Туда же подъезжает Коля – привозит Танины штаны (а также Валю и Олега).

Едем на вокзал, садимся в поезд. Почти двое суток дороги – и экспедиция окончена.

